

где высказал прямое предпочтение красоте перед социальной справедливостью.

Честолюбивый красавец, эстет, преклонявшийся перед аристократизмом, он почему-то женился на женщине простого звания, вдобавок юродивой. Находясь на дипломатической службе на «православном Востоке», он предавался изощренным наслаждениям, упивался восточной экзотикой и, как сам вспоминал, дарил своей юродивой жене обезьян, чтобы заполнить ее бесконечный досуг и обрести для себя ничем и никем не стесненную внешнюю свободу. В Янине он ударил французского консула хлыстом по лицу во время спора и впоследствии писал, что это одно из его самых «жизнерадостных воспоминаний». Штрихи его личности и биографии несколько напоминают черты Ставрогина и некоторые коллизии романа «Бесы».

В 1871 г. Леонтьев тяжело заболел, он оказался на грани смерти; после выздоровления пережил сильнейшее душевное потрясение, сжег свой последний роман, бросил дипломатическую службу и уехал в монастырь на Афоне, чтобы принять постриг. В конце концов, он нашел Христа своего и христианство свое; в его христианстве превалировала мысль о божьем страхе и божьем наказании, божественном происхождении власти, необходимости строгой иерархии.

В одном из писем к В. В. Розанову, незадолго до смерти, Леонтьев рассказывал о надломе личности в связи с поразившей его болезнью (холерой): «Для достижения этого страха духовного — нужно было моей гордости пережить всего два часа физического (и обидного) ужаса. Я смирился после этого и понял ту высшую телеологию случайностей, о которой говорил. Физический страх прошел, а духовный остался. И с тех пор я от веры и страха Господня отказываться уже не могу, если бы даже и хотел. Религия не всегда утешение, во многих случаях она тяжелое иго...» [4, № 6, с. 422—423].

В последнем письме от 19 октября 1890 г. к своей приятельнице, журналистке О. А. Новиковой, написанном в Оптиной Пустыни ровно за год до смерти, Леонтьев признается: «...моя аскетическая философия, она меня много утешает и без нее с моими, известными Вам претензиями — было бы очень трудно доживать свой век. От этих претензий я *forcielement* отказаться не в силах, как не мог, например, Дюмурье на чужбине отказаться от мысли, что он призван к великим стратегическим делам; и почти всем державам предлагал тщетно свою шпагу против Наполеона, но разница в том, что он сердился и роптал»³.

Однако на смиренника сам Леонтьев был похож еще меньше, нежели Дюмурье. Н. Н. Страхов сообщал В. В. Розанову: «Об Леонтьеве я все очень хорошо знаю, но не хотел говорить Вам, знаете: *de mortuis etc.* Вот он Вас обольстил своим умом и своей эстетичностью; между тем это одно из отвратительных явлений. Религия, искусство, наука, патриотизм — самые высокие предметы вдруг подчиняются самым низменным стремлениям развратной жажды наслаждения и услаждения себя, и все это получает особый оттенок; в религии „священное волшебство“, как прекрасно выразился архиепископ Антоний, и сладострастная борьба между грехом и страхом; в науке — дилетантизм с подчинением своим целям; в искусстве — услаждение всякой пакостью: мужеложством, роскошью, всякой внешней красотой... в патриотизме мечтания об аристократии, о всякой власти и гордости и т. п. Меня очень возмущает это нравственное уродство и я с ним никак не в силах помириться, и подобные господа осмеливаются нападать на Л. Н. Толстого и выставять его заблудившимся и вредным»⁴. Делая скидки на личную неприязнь, нельзя не увидеть в страховском отзыве зерна истины.

³ ОР ГБЛ, ф. 126 (Киреевы и О. А. Новикова), картон 3323, ед. хр. 21/1-10.

⁴ ОР ГБЛ, ф. 249 (В. В. Розанов), ед. хр. 3820, письмо от 22 апреля 1892 г.